

нала в целом. А. Твардовский резко оборвал главу, не завершил ее, как остальные восемь, афористической концовкой. Вместо нее — бесконечно значительное авторское молчание, мысль и чувство, не получившие словесного воплощения. Эмоциональное воздействие такого финала, смысл которого ушел в подтекст, настолько велико, что глава как бы продолжается в сознании потрясенного читателя. Естественно, строфа, следующая за этой в первом варианте, стала излишней.

Сопоставление варианта 1943—1944 гг. и канонического текста поэмы «Дом у дороги» позволяет говорить о том, что переработка поэмы, а фактически — написание ее заново находилось в теснейшей зависимости от времени, от соответствия поэмы правде жизни. В ходе такого сопоставления видно, как тенденция к лиризации, характерная для послевоенной поэзии, трансформировала весь замысел поэмы и позволила поэту выявить ту сжигающую его мысль, ради которой поэма была написана: помнить о войне, о народных бедах, чтобы не допустить новой. «Ради жизни на земле» написана эта «рожденная из настоящего чувства» поэма.

1. *Кондратович А. И.* Александр Твардовский. Поэзия и личность. М., 1978.
2. *Любарева Е. П.* Эпос Твардовского. М., 1982.
3. *Пьяных М. Ф.* «Перед войной как будто в знак беды» // Поэтический строй русской лирики. Л., 1973.
4. *Твардовский А. Т.* Собрание сочинений. В 6 т. М., 1976—1982.
5. *Твардовский А. Т.* Дом у дороги. Отрывки из поэмы // Красноарм. правда. 1943. 2 дек., 1944. 9 янв. 6. Будущие книги // Известия. 1945. 28 июля.

Статья поступила в редколлегию 26. 10. 84

Л. А. Ковалюк, асп.,
Львовский университет

Роль героических обстоятельств в романе А. Чаковского «Блокада» как средства характеристики героев

Обращаясь к событиям Великой Отечественной войны, современные писатели стремятся художественно осмыслить ее нравственные и социальные уроки, внести свой вклад в предотвращение новой мировой катастрофы. Рассказывая о подвиге советского народа, они вскрывают истоки героизма, исследуют особенности советского характера как типа нового человека.

Для понимания героического характера существен показ обстоятельств, в которых он проявляется. Ф. Энгельс подчеркивал, что «реализм предполагает, помимо правдивости деталей, правдивое воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах» [2, с. 35]. К. Маркс писал: «...обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» [1, с. 37]. Между тем в работах, посвященных исследованию героического характера в советской литературе, роль типичных обстоятельств характеризуется недостаточно полно [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

Наша цель — восполнить этот пробел на материале романа А. Чаковского «Блокада».

В. Фашенко в книге «Характеры и ситуации» отметил, что «характер как тип поведения невозможно понять вне видов деятельности человека в индивидуальных ситуациях, которые являются формой проявления типичных обстоятельств» [9, с. 22]. Такими типичными обстоятельствами в годы Великой Отечественной войны была сама суровая и жестокая действительность военного времени, в которой наиболее ярко проявились типичные характеры советских людей. Такими они изображаются в романе А. Чаковского «Блокада»: это и бои под Лугой, на Пулковских высотах, на Невской Дубровке, за Волховскую ГЭС, строительство Дороги жизни, Синявинская операция, прорыв блокады и т. д. Это и тяжелейшие условия жизни в осажденном Ленинграде. Но, вопреки всему, город жил и сражался: «Две тысячи ослабевших от голода, пошатывавшихся при каждом порыве ветра девушек-комсомолок живой цепью соединяли один из хлебозаводов с прорубью на Неве, черпали оттуда ведрами ледяную воду и передавали их из рук в руки... А рано утром те же девушки вручную, на санках, развозили по булочным только что выпеченный хлеб...» [12, с. 287]. Ни на минуту в прифронтовых условиях не прекращали работу предприятия оборонного значения. Об этом говорит секретарь Ленинградского горкома Васнецов: «...в феврале-марте на Кировском построили новый механический цех. И чугунолитейный восстановили. И на других предприятиях оборонного значения кое-что сделано — только за этот месяц они дали фронту сто орудий, почти восемьсот пулеметов, больше двухсот тысяч снарядов и столько же мин. И судостроители не простаивали — отремонтировали 227 кораблей и 360 катеров, заново построили для Ладожской флотилии тендеры, сварные металлические баржи» [12, с. 473].

В романе достоверно передано настроение советских людей в те тяжелые годы, их вера в победу.

В соответствии с исторической правдой А. Чаковский утверждает, что героизм Ленинграда — это особый тип героизма. В Ленинграде фашистской армии противостояли не только части Красной Армии, но и гражданское население. Ленинградцам помогли выстоять духовное единение, сплоченность в труднейших условиях блокады. Показательна в этом отношении сцена в романе: потомственный рабочий Королев приходит к своему другу Губареву, который уже несколько дней не выходил на работу. Королев делится последним сухарем с другом, взывает к его партийной совести и заставляет подняться с постели. Он говорит: «Коммунисты во время войны не умирают в постелях. В бою, у станка — да!» [13, с. 569]. И это не единственный случай в романе. У каждого из переживших блокаду был свой спаситель.

Ленинград, как показано в «Блокаде», не только существовал на глазах у врага под жерлами артиллерийских орудий, но и жил активной, деятельной жизнью: не покинули город и работали в нем крупнейшие ученые Эрмитажа. Они готовились провести научную

сессию, отметить юбилей Алишера Навои. Иосиф Орбели продолжает исследование средневековой армянской литературы — басен Вардана и Мхитара Гюша. Пиотровский пишет книгу по истории культуры и искусства Урарту. Выезжают они и с докладами в воинские части. Это в то время, когда на человека приходилось 250 граммов хлеба, когда стояли лютые морозы, дома не отапливались, воду можно было взять только из замерзшей Невы. Продолжались симфонические концерты в филармонии (играли девятую симфонию Бетховена, «Оду к радости»), работал театр музыкальной комедии. Академик архитектуры Валицкий рисует Памятник Победы, доктор Осьминин диктует Вере Королевой историю своей смерти, описание дистрофии, которая должна пригодиться для будущих поколений. Всю войну работал радиокомитет. Неумолкающий голос радио помогал ленинградцам выжить и давал силы для борьбы. Он порой был единственной нитью, соединяющей людей с миром.

Именно в час народных бедствий можно определить истинную цену человека. Как верно подметил А. Бочаров: «Героические обстоятельства лишь побуждают, стимулируют, поощряют появление героических характеров, чем и достигается единство героических обстоятельств и героических характеров... всегда существуют характеры, активно воздействующие на обстоятельства, и характеры, меняющие себя под воздействием обстоятельств» [3, с. 314]. О взаимовлиянии обстоятельств и характеров пишет В. Фащенко: «В каждой из ситуаций — своеобразные характеры людей, которые становились объектом воздействия обстоятельства, возникавших независимо от них в ходе войны, и одновременно эти люди «индивидуализировали» микроситуации, своими поступками влияли на развитие событий, становившихся — вследствие целенаправленных действий личностей, коллективов, армий, народа — отдельными звеньями в цепи исторического процесса» [9, с. 321]. Писатель показывает, как в романе активно воздействуют на обстоятельства, подчиняя их себе, генерал армии Г. Жуков, секретарь ЦК А. Жданов, нарком Д. Павлов, секретарь Ленинградского горкома партии С. Васнецов, майор Звягинцев, кадровый рабочий Королев и др. Обстоятельства проводят «водораздел» между подлинно героическим и обывательским. Игрушкой в руках обстоятельств стал А. Валицкий, для которого собственная жизнь была дороже всего на свете.

Мастерство А. Чаковского-художника наиболее ярко проявилось при воспроизведении героических обстоятельств как условий для выявления героических характеров. Писатель применяет принцип «зеркального отражения» — доподлинные исторические события воспринимаются героями, трансформируются в их личных переживаниях. Переживания же, в свою очередь, определяют поступки персонажей. Так, пробным камнем для многих героев «Блокады» стал Невский «пятачок».

На этом «пятачке» геройски сражался и был ранен капитан Суровцев. Но он долго не задержался в госпитале; не долечившись, сбежал, чтобы воевать вместе со своим батальоном. Валиц-

кий же, узнав, что его стройбат в ближайшие три-четыре дня переводят на Невский «пятачок», стремится предпринять все, чтобы не попасть туда. Вначале он просит Веру Королеву достать ему справку, что он болен. Но Вера с презрением прогоняет его, тогда Анатолий использует сердечный приступ отца, до которого сам же его доводит, чтобы задержаться на несколько дней в городе. Анатолий считает, что кто-то другой, только не он, должен драться на самых опасных участках. Писатель развенчивает его приспособленчество: «Особенность его характера заключалась в том, что он всегда, сознательно или интуитивно, искал таких решений, которые, будучи выгодны ему, в то же время никак не могли компрометировать его» [12, с. 218].

Для убедительности показа исторических обстоятельств А. Чаковский использует приемы документалистики: приводятся цифровые данные, тексты приказов, обращений и т. п. Удачной, например, является цитация воззвания В. И. Ленина периода гражданской войны, которое хранится у бывшего участника боев с Юденичем Горелова: «Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! Победа будет за нами!..» [13, с. 249]. Эти слова В. И. Ленина, адресованные защитникам Петрограда, были созвучны обращению Военного Совета Ленинградского фронта к воинам, ведущим кровопролитные бои за Пулковские высоты. Включение документа в ткань художественного повествования усиливает достоверность изображения героических обстоятельств и революционно-патриотический пафос произведения.

Для усиления эффекта художественной убедительности А. Чаковский использует и такой прием, как восприятие героической борьбы советских людей глазами врагов — майора Данвица, немецкого офицера Миллера, начальника штаба сухопутных войск Гальдера и др. Майор Данвиц вспоминает, например, советских солдат, которые, мужественно защищая бункер, сами подорвали себя, предпочтя смерть плену; крестьянина, отравившего колодец; солдата, подорвавшего себя вместе с мостом. Характерна в этом плане и лаконичная запись в дневнике Гальдера: «Сведения с фронта подтверждают, что русские везде сражаются до последнего человека...» [11, с. 242]. Такое изображение способствует воссозданию массового героизма советских людей как естественной нормы их поведения в обстоятельствах народной войны против фашизма.

Диалектика подвига советского народа передается и при помощи ретроспекции. Писатель обращается к героическому прошлому страны в многочисленных авторских отступлениях, монологах и диалогах героев. Например, академик Валицкий в диалоге с Васнецовым, опираясь на уроки истории, убежденно утверждает: «Так вот, теперь, когда немцы где-то возле Путиловского, мне хочется напомнить вам, что Россия никогда не покорялась врагу! И никогда не покорится. Никогда!..» [13, с. 156]. Исторические ассоциации способствуют тому, что героическое изображается как ведущее качество русского народного характера, корнями своими

уходящее в глубокую древность, помноженное на возвращенное социалистическим строем чувство советского патриотизма.

Вместе с объективированным повествованием в сюжетно-композиционную структуру романа органически включается авторский голос, который комментирует развитие сюжета и отдельные драматические эпизоды, делает выводы и обобщения. Писатель обличает жестокость, варварство фашизма: «Они давили и жгли, расстреливали на своем пути все...» [11, с. 241].

Так же публицистически прямолинейно характеризует автор советских людей: «Социальная гордость, готовность жертвовать собой во имя общего дела, сознание, что они стоят в первых рядах борцов за переустройство мира на новых, справедливых началах, определяли их поступки...» [11, с. 87]. Подобных авторских высказываний довольно много. Они важны, часто необходимы, но порой простая авторская констатация фактов подменяет собой изображение героических обстоятельств, иногда повторяет то, что понятно само собой и естественно вытекает из повествования. Злоупотребление такого рода прямыми авторскими высказываниями может вызвать раздражение читателя, что снижает силу эстетического воздействия произведения.

Писатель прибегает в романе к приему сопоставления, который помогает соотнести трагические события 1941 г. с тем, что им предшествовало, а также с их влиянием на последующее развитие действий. В романе приводятся факты, свидетельствующие о том, что наша страна стремилась если не избежать, то хотя бы оттянуть начало войны (вела переговоры с Германией, подписала пакт о ненападении). Фашисты же вели двойную игру и активно готовились к нападению на СССР. Прием сопоставления и переключения действия способствует многогранности изображения реального хода событий. А. Чаковский тщательно исследует события первых месяцев войны по дням, неделям, иногда даже по часам (первая книга охватывает события кануна Великой Отечественной войны и начала ее, вторая — июль—август, третья — сентябрь, четвертая — ноябрь 1941 г., затем повествование убыстряется, пятая книга охватывает события конца ноября 1941 г. и заканчивается январем 1943 г. — днями прорыва блокады). События, изображенные в романе, происходят во фронтовых окопах и в частных квартирах Валицкого и Королева, в Смольном и Кремле. Из Ленинграда писатель переносит нас вместе с героями в Москву, оттуда в Берлин, в ставку Гитлера, в оккупированные районы и т. д. Сам Чаковский отмечает, что он «стремился к тому, чтобы показать эпопею ленинградской обороны не изолированно, а как часть всенародного подвига, в самых широких связях, в больших закономерностях истории» [10, с. 311]. И это ему в целом удалось.

Введение реальных исторических лиц (Сталина, Шапошникова, Жукова, Федюнинского, Хозина, Павлова, Говорова и др.) дало возможность передать как бы живое дыхание истории, придать повествованию убедительность и достоверность. Умело объединив действия исторических лиц и вымышленных героев, рядовых уча-

стников событий, А. Чаковский уязвал конкретный эпизод Великой Отечественной войны с общими ее тенденциями и закономерностями. «Такое совмещение, — отмечает А. Бочаров, — позволило автору художественно воспроизвести связи человека и общества, вводящие личность в широкий круг социальных ассоциаций: простые люди словно поднялись к творимой «на самых верхах» истории, а общий для всех героев социально-психологический анализ приблизил, сделал «человечными» крупных исторических деятелей» [3, с. 121].

Лейтмотив романа — изображение силы народа в его единении, в преданности делу коммунизма. Так, говоря о молодой ленинградке Вере Королевой, о ее готовности пожертвовать собой во имя общего дела, писатель подчеркивает, что ее чувство «сливается с общим настроением ее сверстников, готовых перенести любые трудности во имя Родины. И майор Звягинцев мысленно связывает себя со всеми, кого воспитала Советская власть. Политрук Пастухов размышляет: «Люди понимают, — нет, не просто понимают, каждой частицей своего тела, души чувствуют, что за ними их дети, их город, их дома, вся их жизнь...» [11, с. 344].

А. Чаковский убедительно доказывает в романе «Блокада», что истоки стойкости и героизма советских людей — в патриотизме, воспитанном предвоенной жизнью. Эта мысль заострена в монологе Васнецова: «Но сегодня русские стоят насмерть не только потому, что они русские, а потому, что они советские русские!» [13, с. 158].

В романе изображается немало трагических картин, приводится много документальных свидетельств трагического, рассказывается о смерти людей от голода, холода, болезней, гибели от снарядов и бомб и т. п. Но все время писатель делает акцент на преодолении трагических обстоятельств, на жизнестойкости ленинградцев, их взаимовыручке. Так, коммунисты и комсомольцы Кировского завода ходили по домам, помогали заболевшим заводчанам, приносили им воду, кипятили ее и просто поддерживали добрым словом. А. Чаковскому удалось показать органическую слитность армии и населения города в борьбе с врагом. Интересно, например, рассуждает об единстве судьбы и смерти простых ленинградцев и бойцов армии шофер Воронов в разговоре с Суровцевым:

«— А эти нешто не на войне? Тех немец убил и этих тоже.

— Но те воевали!

— А эти в тылу, что ли, отсиживались? — резко произнес Воронов. — У станков по суткам стояли, пока голод не покосил!.. Бойцы они были, солдаты!» [12, с. 431].

Показав широкую панораму событий Великой Отечественной войны, А. Чаковский сумел создать правдивую картину жизни тех лет в ее суровых ситуациях, показать поведение людей в них. Обстановка на фронтах, рассказ о жизни осажденного Ленинграда, быстро сменяющийся калейдоскоп событий — не фон, а типические обстоятельства, которые помогают выявить характеры героев романа. Писатель изображает военную действительность с

разных точек зрения (Верховного Главнокомандующего, генерала, рядового, рабочего, домохозяйки, студентов), что способствовало полноте и многогранности художественного отражения атмосферы тех лет и показа психологии участников обороны Ленинграда.

Сюжет романа в хронологической последовательности воспроизводит сцены и эпизоды, воссоздавшие события, связанные с борьбой за Ленинград и с жизнью ленинградцев в блокадном городе. Они выступают теми типическими обстоятельствами, в которых формируются, проявляются и раскрываются героические характеры.

А. Чаковский, отражая в «Блокаде» героические обстоятельства, использует традиционные принципы раскрытия обстоятельств как средств реалистической типизации в произведениях художественной литературы. Но они были подчинены его сверхзадаче — умению вписать конкретный эпизод войны в общий ее ход, включению в художественное произведение огромного количества документального материала, что и определило их художественное своеобразие.

1. Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Соч. 2-е изд. Т. 3. 2. Энгельс Ф. *Письмо Маргарет Гаркнесс, апр. 1888 г.* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. 3. Бочаров А. *Человек и война: Идеи соц. гуманизма в послевоен. прозе о войне.* 2-е изд.; доп. М., 1978. 4. Жилинский Н. Г. *Человек в литературе: Обществ. ценности и пробл. худож. характера.* К., 1983. 5. Иванова Л. В. *Категория героического в романе о Великой Отечественной войне* // Советский роман. Новаторство. Поэтика. Типология. М., 1978. 6. Козлов И. Т. *Александр Чаковский: Страницы жизни, страницы творчества.* М., 1983. 7. Положий В. И. *Концепция героической личности в творчестве Ю. Бондарева.* К., 1983. 8. Синельников М. *Диктует время. Очерк творчества Александра Чаковского.* М., 1983. 9. Фашенко В. В. *Характеры и ситуации: Статьи / Пер. с укр. З. Финицкой.* М., 1982. 10. Чаковский А. Б. *Документ, вымысел, образ / Беседа вел П. Топер-// Литература и современность.* М., 1975. Вып. 13. 11. Чаковский А. Б. *Блокада.* М., 1978. Ч. 1—2. 12. Чаковский А. Б. *Блокада.* М., 1978. Ч. 5. 13. Чаковский А. Б. *Блокада.* М., 1983. Ч. 3—4.

Статья поступила в редколлегию 01. 04. 85

Е. Н. Зоболева-Гинда, асп.,
Львовский университет

Основные тенденции развития русской советской прозаической миниатюры

В русле лирической прозы, активно заявившей о себе в 50-е гг. XX в., развиваются специфические жанры: лирическая повесть, лирический рассказ, лирическая миниатюра [7; 8; 9]. Исследователи не часто употребляют термин «лирическая миниатюра», между тем, на наш взгляд, необходимо шире вводить его в литературоведческий обиход, поскольку в литературе последних двух десятилетий миниатюра проявляет себя все более интенсивно: